

Матлин Михаил Гершенович

СМЕХОВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ XIX-XXI ВВ.

В статье описывается типология смеховых свадебных письменных текстов XIX в. и конца XX - начала XXI в., а также раскрываются особенности их функционирования в русской народной свадьбе. Показывается, что в XIX в. при помощи письменной формы осуществлялись сохранение и ретрансляция приговоров дружки, заговоров и молитв, которые использовались в качестве оберега и, частично, своеобразных амулетов. Зафиксирована также смеховая имитация чтения письменного документа, записи устного текста, при помощи чего создавалась пародия на такие официальные документы как паспорт, указ, роспись приданного. Эта традиция возрождается в русской народной свадьбе конца XX - начала XXI в. Многообразные письменные тексты также пародируют официальные юридические и деловые документы, зачитываются адресатам и часто вручаются им на память, но функционируют теперь исключительно в первый день свадьбы во время свадебного стола.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 121-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 801.81:398.63

Филологические науки

В статье описывается типология смеховых свадебных письменных текстов XIX в. и конца XX – начала XXI в., а также раскрываются особенности их функционирования в русской народной свадьбе. Показывается, что в XIX в. при помощи письменной формы осуществлялись сохранение и ретрансляция приговоров дружки, заговоров и молитв, которые использовались в качестве оберега и, частично, своеобразных амулетов. Зафиксирована также смеховая имитация чтения письменного документа, записи устного текста, при помощи чего создавалась пародия на такие официальные документы как паспорт, указ, роспись приданного. Эта традиция возрождается в русской народной свадьбе конца XX – начала XXI в. Многообразные письменные тексты также пародируют официальные юридические и деловые документы, зачитываются адресатам и часто вручаются им на память, но функционируют теперь исключительно в первый день свадьбы во время свадебного стола.

Ключевые слова и фразы: текст; письменность; устность; смех; пародия; русская народная свадьба; приговор дружки.

Матлин Михаил Гершенович, к. филол. н., доцент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
matlin@mail.ru

СМЕХОВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ XIX-XXI ВВ. ©

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда – проект № 13-04-00254.*

Жанровый состав русской свадебной обрядовой поэзии, как известно, весьма многообразен. Он включает в себя песенные, прозаические, драматургические формы, а также малые вербальные жанры [24, с. 155]. Их функционирование в обряде происходило и происходит, как правило, в устной форме. Однако уже в XIX – начале XX в. некоторые жанры свадебного фольклора бытовали также в письменной или устно-письменной форме. Это было связано, с одной стороны, с влиянием на русскую крестьянскую культуру письменных текстов (песенников, лубков, деловых, конфессиональных, судебных документов и мн. др.). Как справедливо замечал К. Богданов, «непредвзятый подход к фольклорному материалу показывает, что анализ этого материала вне учета книжного влияния, воздействия церковной и светской культуры, как правило, не объясняет ни его происхождения, ни его реального бытования. <...> очевидно, что там, где письменная культура уже сложилась, а деревня не является абсолютно изолированной от города, фольклор представляет собою сложный сплав многообразных составляющих» [6, с. 49].

Этот процесс к концу XX в. привел, как полагает С. Ю. Неклюдов, к формированию сначала в городе, а потом и в селе принципиально нового типа фольклорной культуры, который он предложил назвать *пост-фольклором* [15, с. 6-15].

С другой стороны, как показывают исследования современных лингвистов, посвященные разграничению понятий «текст», «дискурс», «коммуникация», дихотомия устность/письменность, которая и по сей день играет очень важную роль в фольклористике, не покрывает всего многообразия речевых практик, в том числе и фольклорных, как в прошлом, так и в настоящем. «Одним из важных вопросов современных дискурсивных теорий является проблема корреляции понятия “дискурс” с такими дефинициями, как речь, текст, высказывание, диалог и др.», – пишет, в частности, М. Ю. Олешков. Особо при этом он выделяет идею В. В. Богданова о том, что речь и текст необходимо рассматривать «как два аспекта дискурса. Такая интеграция позволяет трактовать дискурс как речевую деятельность, реализуемую в звуковой или графической форме» [16], благодаря чему «снижается всякая ограниченность признаками монологический/диалогический, устный/письменный» [10, с. 90].

Определение дискурса как речевой деятельности оказалось очень важным для современной теории фольклора. Плодотворность такого подхода, т.е. понимания фольклора как особого типа речевой деятельности, продемонстрировала С. Б. Адоньева в своей диссертации «Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX века)» [1].

Именно поэтому изучение свадебных документов предполагает не только установление их типологии, связи с жанрами и типами письменной речи, но и анализ их функционирования в свадебном обряде, ибо, как писал А. К. Байбурин, «...в ритуале нет слова, а есть говорение, пение, нет пищи, а есть ее приготовление, использование и прочие операции» [2, с. 212].

Основными типами письменных текстов, которые были зафиксированы в свадебной традиции конца XIX – первой половины XX в., были заговоры, молитвы, приговоры дружки. В конце XX – начале XXI в. количество письменных свадебных документов резко возросло, особенно таких, которые представляли собой смеховое обыгрывание различных официальных, деловых, технических и прочих документов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Как известно, в свадьбе широко использовались различные виды апотропеической магии, в том числе заговоры и молитвы. Их произносили невесты, дружки, читали специальные женщины/мужчины, приглашаемые на свадьбу. Листочки с переписанными текстами заговоров и молитв также могли использовать в качестве оберегов для жениха и невесты. В этом действии важна в первую очередь магическая сила молитвы или заговора, однако нельзя не заметить, что во втором случае, когда использовали листочки с переписанной молитвой (чаще всего это была молитва *Живые помощи*), сила ее как бы удваивалась, ибо не только текст молитвы, но и листок с ее записью приобретал сакральную, апотропеическую силу. На распространенность этой традиции в XVII – первой половине XIX в. указывал А. Л. Топорков, отмечая, что рукописные заговоры могли выступать в функции амулета, который должен был придать «человеку неуязвимость» [22, с. 12]. Об этом же пишут Т. Б. Дианова, В. А. Ковпик, А. В. Чеканова, указывая, что в письменной форме функционировали также пастушки «отпуска», «святые письма», отдельные виды граффити [7, с. 196-198].

В случае использования молитв и заговоров на свадьбе *свадебными* они становились только в результате их использования в этом обряде, т.е. их жанровая спецификация носила функциональный характер. Такое изменение функциональности текста, как отмечал в свое время П. Г. Богатырев, весьма распространено в народной культуре [4; 5, с. 148].

Письменная форма была характерна и для приговоров дружки [8]. Она была способом хранения и ретрансляции традиции: существуют многочисленные свидетельства о том, что дружки часто специально переписывали тексты приговоров, которые потом использовали в своей практике [14, с. 113].

Одной из самых ранних фиксаций этой традиции является рукопись, датированная 1795 г., которую опубликовал симбирский краевед-любитель В. П. Юрлов [28]. В ней он привел два приговора дружки, которые он назвал *рацеями*. Первая «рацея» – «сценка фольклорного театра, вторая – соединенные в один текст два приговора дружки: описание невесты и обращение к стряпухе с просьбой об угощении» [11].

Наиболее известна рукопись первой половины XIX в., изданная в 1902 г. А. Кузнецовым [9; 23]. По информации, полученной А. Кузнецовым от владельцев рукописи, она принадлежала «одному из лучших и последних дружек» [9, с. 1].

Публикатор особо отметил, что запись приговоров представляет собой орфографически не совсем корректную запись, близкую так называемому «неграмотному письму», для которого в данном случае характерно отсутствие знаков препинания, ошибки в построении предложений и, конечно, плохое владение орфографией.

Еще один образец письменного текста приговора дружки опубликовал в свое время Н. Ончуков, отметив, что ее владелец списал текст, когда ему было 12 лет (!). Владелец не ограничился механическим копированием, а, как он сказал собирателю, «редактировал ее, убрав неприличные <...> места и кой-что прибавив» [17, с. 261]. Это замечание дружки показывает, насколько развитой, творчески активной и важной была письменность в бытовании этого свадебного жанра.

Не меньший интерес представляют т.н. *указы*, зафиксированные в Ростовском уезде. Публикуя их, Е. Э. Бломквист особо отмечала, что эти тексты хранились «у кого-нибудь в деревне в рукописном списке» [3, с. 104; 18, с. 217-218]. Их зачитывала, как правило, девушка, невзирая «на наличие большого количества непристойного элемента», которой как бы «подпевали» другие подружки невесты, нарядившиеся в мужскую одежду и подрисовавшие себе усы [3, с. 103]. Чтение указов не просто вызывало смех, а «сопровождалось взрывами хохота» всех присутствующих [Там же].

В этом же уезде была зафиксирована еще одна традиция, связанная с письменностью – чтение смеховой *рописи приданого*. Е. Э. Бломквист совершенно справедливо связывает эту традицию с лубочными картинками, среди которых весьма популярна была также пародия на росписи приданого, существовавшие «в мещанском, купеческом и духовном сословии и включавшимися в рядные записи» [Там же, с. 105]. Однако, как впоследствии заметил В. А. Поздеев, нельзя недоучитывать также того, что смеховые свадебные указы в своем происхождении связаны не только с лубком, важно, что они представляют собой пародийную стилизацию «настоящих деловых документов древней и средневековой Руси» [20, с. 23]. Как известно, «Роспись приданного» была очень популярна в демократической литературе XVII в. и входила в группу произведений, пародирующих деловую письменность [21; 25, с. 187].

Указанной выше традиции типологически близка другая, зафиксированная в Слуцком уезде Минской губернии и также связанная с росписью приданого. На второй день свадьбы, когда родные невесты одаривают молодых, маршалок (дружка в белорусской свадьбе) дает смеховой комментарий подаркам, а один из гостей садится в красный угол, берет в руки заслонку от печи и мелом **якобы записывает** на ней перечисляемое маршалком.

«Есть у князя такого-то, княжна такая-то, ее даруюць – житам-бытам, счастьем, долею и векам довам, белаю фатою (наметкаю), сто злотых, и корову, на хвост рабою, штоб любилса обою» [27, с. 461].

Таким образом, перед нами – смеховое имитирование оформления устного текста в письменный квазиправовый документ.

Зафиксирован в свадебной традиции и вариант этого акта – имитирование чтения письменного документа. Один из примеров такого смехового действия приводит П. П. Чубинский в сборнике «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край...». Свадебный поезд приезжает в дом к невесте, поезжане говорят, что идут из туретчины русскому царю служить и утверждают, что их якобы определили на постой в этот дом. Но родственники невесты им не верят и требуют, чтобы они показали *прашпорт* (паспорт).

«Та покажіть но нам перше прашпорт – не бийтеся!»

– *Зараз, говорит дружба и при этом вынимает из кармана клочек испещренной бумаги и, смотря в бумагу, начинает говорить, что только придумает смешного. Вот один из таких “прашпортов”.*

Іхала Хима
 З Русалима
 Сивою кобилою,
 Тарадайкою дрантивою.
 Тарадайка тарахкоче,
 Кобила тягнути не хоче.
 Пішла Хима до хати
 Кия шукати;
 Вовки засіли,
 Кобилу иззіли;
 Вийшла Хима, та й плаче.
 – Цить, Химо, не плачь, –
 Даст тобі Бог талан:
 С хвоста гарапник,
 С шкури жупан,
 Та й поїдеш собі, як пан...

Когда дружба кончит чтение, домашние берут те “рушники”, к которым в пятницу дружки пришивали тороки, подходят сзади, вяжут их и кричат:

– Ви розбіяки! Ви читаете якась баломутство, а не пращпорт!
 Перевязав их рушниками, целуются и пьют могорыч» [26, с. 343].

Указанная традиция получила особенно бурное развитие в последней четверти XX в. как в городской, так и в сельской свадьбе. В статье «Письменные документы как вербальный компонент современной русской свадьбы» [13], основываясь на их доминантной функции в свадьбе, нами была предложена следующая типология этих документов: **статусные** (смеховое обыгрывание официальных документов, удостоверяющих, узаконивающих, регламентирующих статус личности – гражданство, образование и др., например, паспорт, диплом); **описательные** (основаны на документах, описывающих, характеризующих те или иные субъекты или объекты, например, талон гарантийный, акт гарантийный); **функциональные** (основаны на официальных документах, определяющих функции в той или иной производственной, общественной, нравственной и прочих сферах, например, инструкция, памятка); **испытательные** (проверяющие) документы, например, следы, губы, ромашки; **информативные**, например, плакаты, открытки-приглашения на свадьбу; **поздравительные**, например, адрес, телеграммы; **обвинительные** (воспроизводят в смеховом ключе некоторые административные и судебные документы, например, обвинительное заключение народного суда, протокол). Есть достаточно большая группа документов, в которых нельзя выделить какую-либо одну доминирующую функцию. Например, «Газета свадебная» – это документ комплексного характера, который и информирует, и поздравляет, и вводит статус и т.д. Некоторые «Письма» одновременно и информируют, и поздравляют, и обвиняют (например, «Письмо от холостой жизни»). Вне предложенной классификации остаются такие единичные документы, как «Устав свадебного вечера», «Дорожные знаки жизни». В этой же статье были указаны некоторые типологические связи данных документов с жанрами традиционной свадебной поэзии [Там же, с. 183-186]. В случае стихотворного оформления текста явно проявляется его связь с литературным жанром эпиталамы – поздравительным стихотворением, посвященным бракосочетанию [19, с. 5-6, 12].

В качестве примера кратко опишем документ, получивший наименование «Протокола». Он представляет собой смеховую пародию на документы, которые составляются милицией по поводу краж и других бытовых преступлений, создаются во время судебного производства и проч. Свадебные протоколы зачитываются по завершении свадебного обряда второго дня (в некоторых традициях – третьего), который можно назвать «Поиски пропавшего животного» (на территории Ульяновской области он называется «Поисков ярки») [12]. Такие документы могли храниться в виде шаблона, который заполнялся на свадьбах фамилиями реальных участников торжества, что в сочетании с открыто смеховыми фамилиями «официальных» лиц, подписавших «Протокол», усиливало его общий смеховой эффект. Ниже приводится образец «Протокола», заполненный конкретными фамилиями и именами (р.п. Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области).

«Протокол № 00
 от 20 июля 1997 года.

В хозяйстве Федотовых потерялась ярка чёрной масти, коротенькие ножки, сама кроткая. Послушная, очень скромная. Обнаружили её в хозяйстве Игоновых, на улице Рабочая, израненную, растрёпанную. Обнаружили 8 ран, 1 рана глубокая. За это несёт ответственность Игонин Игорь Михайлович. Приказываем за нанесенные телесные повреждения возместить ущерб в размере 3 бутылок водки, 1 кг колбасы, 2 помидора и 1 соленого огурца.

Прокурор Бутылкин
 Судья Закусочкин
 Врач Забуддыжкин».

Таким образом, письменные тексты, шире – письменность, играли определенную роль в русской народной свадьбе конца XIX в. – начала XX в. При помощи письменной формы осуществлялись сохранение и ретрансляция приговоров дружки, заговоров и молитв, используемых в качестве оберега и, частично, своеобразных

амулетов. На свадьбе также могли создавать смеховую имитацию чтения письменного документа, записи устного текста, пародируя, в частности, такие официальные документы, как паспорт, указ, роспись приданного.

В русской народной свадьбе конца XX века происходит возрождение этой традиции. Круг письменных смеховых документов резко расширяется, в их оформлении начинают широко использоваться правила письменной графики (шрифтовое выделение отдельных фрагментов, слов, букв) и книжного дизайна (рисунки, виньетки, фотографии, в том числе сканированные изображения и т.д.). Но и в конце XX – начале XXI в. сохраняется в качестве обязательного действия зачитывание всех смеховых свадебных документов с последующим вручением их адресату (адресатам).

Список литературы

1. **Адоньева С. Б.** Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX века): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2004. 317 с.
2. **Байбурун А. К.** Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов: монография. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. **Бломквист Е. Э.** Свадебные указы Ростовского уезда. К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту // Художественный фольклор: орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Гос. Акад. худож. наук; под ред. Ю. Соколова. М., 1927. Ч. II-III. С. 103-111.
4. **Богатырев П. Г.** Народная песня с точки зрения её функций / пер. с фр. // Вопросы литературы и фольклора: сб. ст. / Мин-во высшего и среднего специального образования РСФСР; науч. ред.: С. Г. Лазутин. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1973. С. 200-211.
5. **Богатырев П. Г.** Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики // Богатырев П. Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубликованные работы) / сост., вступ. статья и комментарии С. П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 144-155.
6. **Богданов К. А.** Фольклорная действительность: Традиция, метод, перспективы изучения // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. XXXI. С. 42-66.
7. **Дианова Т. Б., Ковпик В. А., Чеканова А. В.** Письменные формы фольклора (предварительная классификация и рекомендации по собиранию) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак., Каф. рус. уст. нар. творчества; редкол.: А. А. Иванова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 196-205.
8. **Круглов Ю. Г.** Свадебные приговоры как жанр // Жанровая специфика фольклора: межвуз. сб. науч. тр. / Мин-во просвещения РСФСР, Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской; отв. ред. А. М. Новикова. М.: МОПИ, 1984. С. 74-95.
9. **Кузнецов А.** Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1902. Т. LXXII. № 5. С. 1-27.
10. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
11. **Матлин М. Г. В. П.** Юрлов – симбирский собиратель русского фольклора // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 170-179.
12. **Матлин М. Г.** Обряд «Поиски пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX-XX вв. (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 80-92.
13. **Матлин М. Г.** Письменные документы как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак., Каф. рус. уст. нар. творчества; редкол.: А. А. Иванова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 180-196.
14. **Мореева А. К.** Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор: орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / Гос. Акад. худож. наук; под ред. Ю. Соколова. М., 1927. Ч. II-III. С. 112-127.
15. **Неклюдов С. Ю.** Фольклор современного города // Современный городской фольклор: сб. ст. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; редкол.: А. Ф. Белоусов и др. М.: РГГУ, 2003. С. 5-21.
16. **Олешков М. Ю.** Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics/oleshkov-06.htm> (дата обращения: 17.06.2015).
17. **Ончуков Н. Е.** Свадебная сказка // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 261-264.
18. **Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С. Е. Елховского** / отв. ред. С. С. Савоскул. М.: Индрик, 2011. Вып. 1. 456 с.
19. **Петров А. В.** Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2012. 218 с.
20. **Поздеев В. А.** Реально-исторические корни «свадебных указов» // Малые жанры в русской и советской литературе: межвуз. сб. науч. тр. / Киров. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; редкол.: Л. Н. Лузянина (отв. ред.) и др. Киров: КГПИ, 1986. С. 15-24.
21. **Русская демократическая сатира XVII века** / подг. текстов, статья и коммент. члена-корр. АН СССР В. П. Андрияновой-Перетц. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 290 с.
22. **Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.** / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.
23. **Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследования и тексты)** / Уральское отд-ние РАН, Ин-т языка, литературы и истории, Коми науч. центр; сост., вступит. статья и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009. 160 с.
24. **Торопова А. В.** К вопросу о жанровой классификации свадебного фольклора // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 155-161.
25. **Черная Л. А.** Игровые элементы пародийных текстов в русской культуре XVII века // Человек смеющийся: сб. науч. ст. / Мин-во культуры РФ, Гос. республик. центр русского фольклора; сост. А. С. Каргин и др.; редкол.: А. С. Каргин (отв. ред.) и др. М.: Гос. республик. центр русского фольклора, 2008. С. 182-199.
26. **Чубинский П. П.** Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования: в 7-ми т. СПб.: Тип. Киршбаума, 1877. Том 4. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. 713+45 с.

27. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3-х т. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1902. Т. III. 540 с.
28. Юрлов В. П. Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии: Записано в селениях Сенгилеевского уезда: Суровка, Чертановке, Хвостихе, Порецком, Воецком и Собакине // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск: Тип. Симбирского губ. стат. ком., 1867. Вып. 4. С. 68-74.

RISORIAL WRITTEN TEXTS IN THE RUSSIAN FOLK WEDDING OF THE XIX-XXI CENTURIES

Matlin Mikhail Gershonovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov
matlin@mail.ru

The article describes the typology of risorial wedding written texts of the XIX century and the end of the XX – the beginning of the XXI centuries, the peculiarities of their functioning in the Russian folk wedding are also revealed. It is shown that in the XIX century with the help of written form keeping and retranslation of the verdicts of a toast-master, spells and prayers, which were used as a guarding talisman and partly as amulets, were performed. The risorial imitation of reading a written document, record of an oral text is fixed, with the help of which the parody on such official documents as passport, decree, a list of dowry was created. This tradition reappears in the Russian folk wedding of the end of the XX – the beginning of the XXI centuries. Diverse written texts also parody official legal and business documents, they are often read to the addressees and handed them as a remembrance, but function now solely on the first day of the wedding at a wedding table.

Key words and phrases: text; writing system; oral nature; laughing; parody; Russian folk wedding; verdict of a toast-master.

УДК 811.512.153

Филологические науки

В данной статье предпринимается попытка анализа таких фонетических явлений как метатеза, элизия и эпентеза в фонетических диалектизмах, использующихся в произведениях хакасских писателей. Анализируемый материал показывает, что фонетические явления в диалектах действуют более заметно, чем в литературном языке, который, как известно, является более консервативным.

Ключевые слова и фразы: фонетические диалектизмы; фонетические явления; метатеза; элизия; эпентеза; сагайский диалект.

Медведева Марина Алексеевна, к. филол. н.

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
marina_medvedeva_71@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАКАССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ®

Язык художественной литературы, подчиняясь системе норм общелитературного языка, иногда выходит за пределы его строгих норм. Отличительной чертой стиля художественного произведения является высокая эмоциональность и экспрессивность, которые достигаются применением наиболее действенных выразительных средств языка, отбором слов, ярко рисующих художественные образы. Одним из таких стилистических средств языка художественного произведения и являются диалектизмы.

Диалектизмы, как правило – это средство повышения выразительности языка художественного произведения, которые помогают создавать своеобразный колорит территориальных особенностей, существенных для изображаемого в произведении явления.

Закон экономии, выражающийся в выпадении и перестановке звуков, стяжениях, фузии морфологических частей слова, перестановка звуков в словах, вставление звуков в диалектах действуют более заметно, чем в литературном языке, который, как известно, является более консервативным, чем диалекты.

Метатеза в диалектах хакасского языка встречается весьма часто: это фонетическое явление имеет место почти во всех диалектах и в литературном языке. Исключением из этого может быть перестановка звуков *x* и *c*, встречающаяся только в сагайском диалекте хакасского языка:

– *Сухапчам. Суи пар ба* [12, с. 121]? / Хочу пить. Вода есть? В этом примере диалектизм *суха* употреблен вместо литературного *суха* / хотеть пить, жажда от слова *суи* / вода.

Необходимо отметить, что перестановка вышеуказанных звуков характерна как для устной, так и для письменной речи сагайцев.

Кроме указанного случая в исследованных нами художественных произведениях встречаются и такие соответствия:

и-р: ацырттин (лит.) – *арцйттин* (саг.) / не болея; *ыцрана* (лит.) – *ырцана* (саг.) / скрипя:

– *Чыл сай хураиан чаксы јскірген ечен паза хойлар арцйттин, чыл азырып, тек алча* [4, с. 37]. / Ежегодно он получает шерсть за то, что хорошо ухаживает за ягнятами и овцами;